

Цветов Дмитрий Леонидович

**ИЗМЕНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАСТИЧЕСКОГО ОБЛИКА ГОРОДА В КУЛЬТУРЕ
БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА**

Согласно современным подходам к изучению культурных систем, понимание взаимосвязей, по которым функционировала культура блокадного Ленинграда, невозможно без осмысления того, как изменилась каждая из её морфологических частей, в том числе и пространственно-пластическая, деформирующаяся в военное время одной из первых. Основное внимание автор статьи уделяет анализу подсистем пространственно-пластического облика Ленинграда в начале его блокады 1941-1942 г. в контексте методологии, существующей в области исследования городской культуры.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/53.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2015. № 12 (62): в 4-х ч. Ч. III. С. 187-191. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2015/12-3/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net
Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: hist@gramota.net

УДК 008

Культурология

Согласно современным подходам к изучению культурных систем, понимание взаимосвязей, по которым функционировала культура блокадного Ленинграда, невозможно без осмысления того, как изменилась каждая из её морфологических частей, в том числе и пространственно-пластическая, деформирующаяся в военное время одной из первых. Основное внимание автор статьи уделяет анализу подсистем пространственно-пластического облика Ленинграда в начале его блокады 1941-1942 гг. в контексте методологии, существующей в области исследования городской культуры.

Ключевые слова и фразы: культура города; культура блокадного Ленинграда; пространственно-пластический облик города; подсистемы пространственно-пластического облика города; ансамблевость; дискретность.

Цветов Дмитрий Леонидович

*Российский государственный педагогический университет имени А. И. Герцена, г. Санкт-Петербург
dimpressionlinepost@gmail.com*

**ИЗМЕНЕНИЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ПЛАСТИЧЕСКОГО ОБЛИКА ГОРОДА
В КУЛЬТУРЕ БЛОКАДНОГО ЛЕНИНГРАДА[©]**

Исследование городской культуры Санкт-Петербурга занимает значительное место в историко-культурологическом поле современной российской науки. Достаточно взглянуть на количество выходящих каждый год статей и монографий. Актуальным направлением в исследовании истории культуры Санкт-Петербурга остаётся, и, вероятно, таковым будет еще долгое время, изучение периода блокады 1941-1944 гг. Это обусловлено несколькими причинами: непреходящим духовно-нравственным значением данного периода истории города; необходимостью отойти от тенденциозного восприятия блокады и перейти к более глубокому, всестороннему и объективному её изучению; возрастающим объемом корпуса источников, связанных с данным историческим периодом. В обновлении представлений о событиях блокады и более целостном восприятии культуры блокадного Ленинграда сегодня нуждается система образования, музейно-экскурсионная и другие сферы культурной деятельности, так или иначе связанные с историей культуры Санкт-Петербурга и страны в целом.

Несмотря на объем научной работы, ведущейся в данном направлении, остаётся малоизученной проблема изменения целостной системы городской культуры Ленинграда во время блокады и различных аспектов этих изменений, в том числе и деформации пространственно-пластического облика города, восприятия этих изменений его жителями и взаимосвязи данных изменений с другими компонентами городской культурной системы.

В данной статье предпринята попытка анализа изменений, внесённых военным временем в пространственно-пластический облик Ленинграда, и влияния этих изменений на культуру города и сознание его жителей, с использованием методологии, существующей в области изучения истории, культуры. Проведение научных исследований в области истории городской культуры блокадного Ленинграда в предлагаемом ракурсе представляется наиболее перспективным.

Алгоритм исследования городской культуры, в том числе пространственно-пластического облика города, был предложен М. С. Каганом в его работе «Град Петров в истории русской культуры». Город, по мнению М. С. Кагана, является формой конкретного бытия культуры, поэтому при его изучении логично «выявить взаимосвязь аспектов его целостно понимаемой культурной жизни, и рассматривать этот процесс в его исторической изменчивости, обусловленной и внешними для города факторами – природными и социальными условиями его бытия, и внутренними – логикой саморазвития его культуры» [9, с. 14]. Логика развития целостного пространственно-пластического умысла Петербурга, по словам М. С. Кагана, определяется «взаимосвязью четырех главных подсистем: улица – площадь – парк (сад, сквер) – река (канал) с набережной; элементами этих подсистем являются отдельные здания, мосты, ограды, памятники, газоны и т.д.» [Там же, с. 300].

Предложенный метод был разработан для анализа архитектурного облика классического Петербурга. Тем не менее, он может быть применён и к анализу городского ландшафта Ленинграда, так как «сложившийся пластический образ города не разрушался при переходе к новому способу строительства и типу художественного мышления, а сохранял цельность, лишь расширяя заложенный в нём принцип единства в многообразии» [11, с. 326].

Таким образом, задачей данной статьи является рассмотрение изменений, происходящих в основных подсистемах (улица, набережная, парк, сад, площадь) пространственно-пластического облика блокадного Ленинграда.

В период блокады пространственно-пластическая структура города претерпела значительные изменения, обрела новые смыслы. Предблокадное положение и военная действительность внесли значительные изменения в привычный для горожан пространственно-пластический облик Ленинграда и в понимание структуры этого облика его жителями. Менялось восприятие всего, что до войны воплощало историческую и современную ленинградскую культуру – как классических ансамблей центральных районов города, так и строящихся во взаимосвязи с ними новых районов. Первыми вестниками военного положения стали огромные аэростаты воздушного заграждения, которые поднимались в небо над Ленинградом на стальных тросах.

Аэростаты являются обязательным атрибутом многочисленных фотографий, кинохроники военного времени, многих личных записей того времени и послевоенных воспоминаний горожан. Характерная запись из блокадного дневника: «Единственное условие, которое поставили нам родители, – являться домой к обеду, а вечером уходить с улицы с появлением в воздухе заградительных аэростатов. Их поднимают с заходом солнца, чтобы помешать фашистским ночным бомбардировщикам пикировать над городом и прицельно сбрасывать свой смертоносный груз» [5, с. 28]. На Марсовом поле появились зенитные установки, а на стенах Петропавловской крепости акустические локаторы, ловящие шум приближающихся самолётов врага. В районах города, близлежащих к фронту, строились огневые точки, на случай уличных боёв, а также устанавливались противотанковые сооружения: «ежи» – конструкции из частей, крест-накрест закреплённых, железнодорожных рельсов, и бетонные пирамидальные столбцы.

Одновременно с этим появляется и маскировка особо значимых архитектурных объектов – исторических памятников, промышленных объектов и объектов, связанных с управлением. Так, маскировка здания Ленинградского городского Совета депутатов трудящихся (бывшего Смольного института) стала особой «операцией», подробно описанной в воспоминаниях главного архитектора города Н. В. Баранова. Под его руководством происходит и укрытие скульптурных групп, находящихся на открытом воздухе, самым знаменитым из которых было снятие конных статуй с постаментов на Аничковом мосту через реку Фонтанку. Это событие было запечатлено кинохроникой (визуально подготовку города к обороне, летом и осенью 1941 г., можно детально изучить по документальному фильму «Блокада» (2005), режиссер С. В. Лозницы). Поэтическое описание происходящих в архитектурном облике города изменений встречается в художественной литературе, созданной авторами-очевидцами. В стихотворении «Ночь. Статуя “Ночь” в Летнем саду» (1942) А. А. Ахматова пишет: «Как мы тебя укрывали / Свежей садовой землей. ... Пусты теперь Дионисовы чаши» [2].

О значении сохранения пластического облика города Н. В. Баранов позже писал: «... Спасти от уничтожения эти и многие другие памятники означало сохранить для современников и потомков, для всего человечества и его культуры неповторимый образ нашего города» [3, с. 22]. Так, Ленинград постепенно обретал новые составляющие его военного облика, которые появились еще до начала блокады, но уже оказали своё влияние – горожане видели первые признаки военного положения, чувствовали напряжение, высказывали его, фиксировали в письмах и дневниках: «У нас в городе строятся ДОТы. Ленинград превращается в крепость» [12, с. 79]. С началом блокады пространственно-пластический образ города продолжает изменяться.

Одной из ключевых подсистем пространственно-пластической организации города, о которой пишет М. С. Каган, является улица. В блокадном городе изменение облика улицы воспринимается через «дома». Дом, как материальный объект, претерпевающий изменения в пространстве, в первую очередь давал понять, что такое война. Дома, ранее составлявшие протяженность улиц, становятся как бы отделенными друг от друга, в результате деформации, принесенной обстрелами и бомбежками. Двор внутри или рядом с домом становится местом сбора жильцов для организации самообороны – подготовки песка, который поднимут на чердак и засыпят им пространство чердака, что поможет остановить огонь при пожаре. Ярким свидетельством вновь выступает запись из дневника: «Во двор привезли бревна и доски. Мы узнали, что на крыше нашего дома будет построена платформа, на которой установят зенитный пулемёт. Мальчишки весь день вертелись около строителей, помогали носить доски на чердак. Разговоров было! Вы слышали, что у нас будет на крыше? А как вы себе это представляете?» [5, с. 27]. Необходимо было окрасить деревянные балки каркасов крыши, это становилось преградой возгоранию от зажигательных бомб. Подвалы в жилых домах готовили стать бомбоубежищами, в школах – помещениями для проведения уроков. «Здесь требовалось усилить конструкции перекрытий, устроить дополнительные крепления, установить деревянные и металлические стойки, вспомогательные балки, которые могли бы выдержать многотонный груз обрушенных взрывом этажей» [3, с. 20]. В самих же квартирах в первые дни войны нужно было подготовить затемнение окон из черной плотной ткани. Эти перемены вносили новые, военные черты в облик дома и в его обыденное восприятие. Так, с переменой обликов домов менялся и облик улицы – после бомбежек и обвалов целых частей домов, появлялись их оголенные конструкции, словно разрезанные напополам, что открывало для каждого из горожан внутреннюю жизнь сограждан. Взгляду открывался «стыдно» оголенный быт квартир, вызывающий у ленинградцев, чувства оцепенения, страха, сочувствия. Л. Я. Гинзбург пишет: «Есть разрезы домов, напоминающие мейерхольдовскую конструкцию. Разрезы маленьких разноцветных комнат с сохранившейся круглой печью, выкрашенной под цвет стены, с сохранившейся дверью, иногда открытой... разрезы домов, демонстрирующие систему этажей, тонкие прослойки пола и потолка...» [6, с. 226]. Далее Л. Я. Гинзбург очень точно описывает изменения, произошедшие в восприятии улиц и домов: «Люди стали говорить о домах, думать о домах. Воспринимаемой единицей города стал дом, тогда как прежней единицей была улица, сливающаяся из не дифференцированных фасадов. Невнимательные люди увидели, вдруг, из чего складывается их город... Восприятие дома стало аналитическим» [Там же, с. 227]. Улицы, на которых находились поврежденные взрывами дома, были заполнены разрушенными частями здания, а также мебелью и домашним имуществом пострадавших, часто сами они сидели рядом с домом, прямо на своих вещах, в растерянности ожидая помощи. Писатель В. М. Инбер отмечала: «Оказывается, дома от газов взрывной волны меняют окраску: так человек меняется в лице от потрясения» [8, с. 19]. В первые месяцы войны нижние этажи, окна которых были витринами магазинов, а также и те, где располагались различные учреждения, были закрыты деревянными установками – коробами с песком или только мешками, наполненными песком, они создавали сплошную, высотой в этаж, стену, во избежание попадания осколков снарядов и следующих за этим разрушений.

На самих внешних плоскостях этих укрытий были часто установлены агитационные и предупреждающие материалы – плакаты, доски с информацией, лозунги, призывы.

Приведённые выше свидетельства жителей осажденного города являются подтверждением того факта, что здания в блокадном Ленинграде утрачивают свое повседневное, чисто утилитарное, привычное назначение, приобретая всё более военно-утилитарное – становясь местом осуществления обороны, самозащиты. Жилая архитектура города теперь не объект потребления, а объект, нуждающийся в ежедневном контроле нового типа: военного, требующего частого ремонта, подготовки к новому способу существования. Архитектура жилых зданий приобретает и иное символическое значение – становится символом смертельной опасности. Под обломками зданий после взрыва можно было погибнуть. Улица и дом претерпевают кардинальные изменения в своём облике, тем самым становясь одной из деформированных подсистем городского пространства.

Блокада внесла свои изменения не только в образ городских улиц. Она изменила облик и восприятие другой подсистемы города – набережных рек и каналов.

Гранитная петербургская набережная, бывшая до войны местом, с которого горожане осматривали величественные невские и малые внутригородские перспективы, на период блокады становится местом с двойным обликом: жизненно необходимым и опасным. Проходя по набережной, легко было попасть под обстрел и не успеть укрыться в подвале или внутри ближайшего дома. Зимой у жителей близких к побережьям районов, а также и тех, кто жил много дальше, набережная превращалась в одно из мест (наряду с прорубью во льду близ тротуара улиц, либо же прямо посреди улицы), где можно добыть воду. «Идти по университетской набережной – пусто, голо, спрятаться некуда... из Стрельны бьют немецкие дальнобойные...» [10, с. 195]. Таким образом, набережные, как и другие составляющие городского пространства, приобретали свойства утилитарные, диктуемые военным временем, и уже во вторую очередь оставались местами рекреационными. Эта их функция частично возобновлялась во время остановок в пути из одного района города в другой, в основном при передвижении с территории Петроградского или Васильевского островов на материковую часть. На такой путь решалось небольшое количество горожан. С мостов через Неву им открывался осажденный, обстреливаемый, но не сдавшийся Ленинград, всё же еще живой и сражающийся и, несмотря на разрушения, опустошенность, зимой 1941-1942 гг., приобретший невиданный до этого времени образ – трагичный и величественный, малолюдный, заснеженный, тёмный, пронизанный лучами авиационного слежения, но необычайно выразительный. Е. П. Глинская записала в дневнике: «...И вместе с тем никогда мне ни казался город таким красивым, как в эти смертельные дни. От мороза стоят такие красивые деревья, так красива Нева и её набережные с замерзшими кораблями и застывшими домами» [5, с. 160].

Парки и сады, составлявшие неотъемлемую часть облика Ленинграда, также претерпели значительные изменения в блокадный период. Парки центра Ленинграда (Летний сад, Михайловский сад и др.), бывшие пространствами наполненными светом, растениями и знаменитыми скульптурами, имели рекреационное значение. Во избежание возможности уничтожения садово-парковая скульптура в них была убрана. В садах и парках вырыли траншеи и так называемые «щели» (небольшие углубления в земле, вырытые под углом, с перекрытием), служившие убежищем на время обстрелов. Там, внутри небольших подземелий, размером в несколько метров, горожанин, оказавшийся в них на время воздушной тревоги, мог провести значительное время в холодной и тёмной обстановке. Ощущение паркового пространства, как и всего облика города, также менялось и маркировалось как «опасное». А. А. Ахматова точно передала это новое состояние в поэтической форме: «Щели в саду вырыты, Не горят огни... / Под землей не дышится, Боль сверлит висок...» [2]. Парк и сад становятся местами небезопасными, непосещаемыми. На период блокады рекреационное ленинградское пространство практически полностью утратило своё предназначение.

Вслед за парками, менялись и ленинградские площади, ещё один системообразующий элемент городского ландшафта. Облик просторной, ухоженной ленинградской площади, с появлением маскировки находящегося на ней памятника, с размещением на ней военных орудий, с исчезновением массового присутствия горожан менялся в сторону запустелого места, опасного открытого пространства, могущего стать местом гибели. Марсово поле приобрело военно-стратегическое значение из-за установки на нём зенитной батареи. Исаакиевская площадь, площадь Декабристов (Сенатская) изменились главным образом из-за появления на них защитных коробов монументов Петру I и Николаю I. Внутренней смысловой деформации подверглись рыночные площади, в том числе и Сенная площадь. Они стали ассоциироваться с противозаконной торговлей, которая велась здесь наряду с обменной деятельностью.

Самые же значительные перемены ленинградские площади ожидали в марте 1942 г., когда они превратились в сельскохозяйственные огороды. Ленинградские площадные и садовые огороды, запечатленные на фотографиях стали классическим образом возрождения сил горожан. Огороды появлялись в садах и парках. Изменения, произошедшие с ленинградскими площадями и парками весной 1942 г., частично вернули им былую рекреационную функцию, но уже в измененном виде. Городские площади и парки за время блокады отличались динамикой их восприятия от положительного к отрицательному, и затем к сверхположительному, проявившемуся в жизнеспасительной функции. А. А. Адамович и Д. А. Гранин в своей книге писали: «...оживающий Ленинград 1942 года, где еще умирали, не в силах оправиться от дистрофии, и где вскапывали, обрабатывали каждый клочок земли в садах, парках, на бульварах под огородами» [1, с. 249].

Таким образом, можно констатировать, что пространственно-пластический облик Ленинграда в период блокады претерпел значительные изменения.

Во-первых, данная перемена произошла на уровне деформации архитектуры (подсистемы «улица» и «площадь»), а также на уровне деформации пространства (подсистемы «парк» и «набережная»), что повлекло за собой перемену в восприятии целостности городского ландшафта.

До войны город воспринимался как система ансамблей – дворцовых, набережных, кварталов, улиц и площадей. Теперь же разрушение и повреждение архитектуры нарушали целостность восприятия – оно стало «дискретным».

Город словно распался на отдельные подсистемы, и каждая приобретала в этой разделённости свой новый облик и символический смысл. Появилось ясное понимание расстояний как таковых, проявилось их разделительное значение. Городская (Петербургская / Ленинградская) просторность, сложенная из горизонтальных объемов – улиц, проспектов, бульваров, главное – площадей и зданий, обрамлявших их, и объемов вертикальных – шпилей и куполов, стала восприниматься в блокадном Ленинграде иначе. Появилось явное ощущение тяжести просторности города, тяжести того, что он состоит из больших районов, островов, рек, мостов. Пространственное измерение приобрело качество гнёта его непреодолимости. Это впечатление усиливалось и тем, что в начале зимы 1941 г., весь городской транспорт перестал функционировать. Появился классический визуальный образ заснеженной улицы с погребенным под снегом общественным транспортом, стоящим среди улицы (сегодня это один из символов городского пространства блокадного Ленинграда). «Торосы льда вдоль опустевших улиц. В снегу застыли брошенные среди города автобусы и трамваи. Зияют провалы в разрушенных домах...» [10, с. 196].

Пространство города приобрело для блокадника стратегический характер, преодоление его, осваивание его для нужд выживания стало характерной особенностью ощущения облика города в блокаду. Каждый дом стал своеобразной крепостью, с внутренним укладом, чётким алгоритмом действий для того чтобы выжить и если понадобится или случится умереть прямо в ней. Жизнь разворачивалась на малых радиусах в изменившемся пространственно-пластическом облике города.

Во-вторых, внешний облик города приобрел черты, ясно характеризующие его военное положение – маскировка и разрушения, а также военные объекты, двойственно влияющие на жизнь города. С одной стороны, они действовали на людей подавляюще, с другой стороны, становились частью катарсиса, дающего новые силы для сражения на смерть. «...До чего он был прекрасен в необыкновенную солнечную осень 1941 года – и до чего он великолепен в суровейшую зиму страшного 1942 года. ...Всё лишено ненужных подробностей, всё смягчено в контурах, формах. Лаконический стиль города еще удесятен этим в сторону прекрасного» [7, с. 19]. Р. А. Бахтияров, анализируя изобразительное искусство, созданное в период блокады, утверждает, что одним из направлений деятельности художников становится изображение городского пространства (знаменитых архитектурных или скульптурных памятников, панорам, мостов), которое вводится в момент действия: «...памятники предстают одновременно невольными свидетелями наполненной тяжелым трудом и невосполнимыми утратами жизни блокадного Ленинграда и зримым воплощением великих культурных традиций этого города, словно служащих источником духовных сил и мужества его рядовых жителей» [4, с. 15]. Ярким примером является один из образов запечатленных П. А. Шиллинговским в цикле «Осажденный город» (1941-1942): «черной ночью огонь огромного пожара разносится над полуразрушенным городом, грозя уничтожить все уцелевшие дома. Все кроме одного – его классический портик (у самого левого края листа; пожар идет от правого края) стоит так спокойно и так резко выделяется среди ступежавшейся, как будто обреченной застройки, что становится ясно: никакой огонь его не возьмет – петербургская классика неуничтожима» [10, с. 195].

Проделанный анализ и полученные выводы показывают, как велико было изменение пространственно-пластической среды Ленинграда под воздействием военного времени. Понимание того, как и насколько влияло данное изменение на жителей блокадного города, может помочь установить более глубокие связи, на основании которых функционировала блокадная культура, ведь непосредственным её творцом всё еще оставался именно блокадник, с его глубинными эмоциональными переживаниями, вызванными, в том числе, и окружающим, изменившимся городским пространством.

Список литературы

1. Адамович А. А., Гранин Д. А. Блокадная книга. СПб.: Издательская группа «Лениздат»; «Команда А», 2013. 544 с.
2. Ахматова А. А. Нечет: сборник стихов. Ленинградский цикл [Электронный ресурс]. URL: <http://www.ahmatova.ru/book/783/> (дата обращения: 20.09.2015).
3. Баранов Н. В. Силуэты блокады: записки главного архитектора города. Л.: Лениздат, 1982. 175 с.
4. Бахтияров Р. А. Живопись блокадного Ленинграда [Электронный ресурс]: автореф. дисс. ... к. искусствоведения. СПб., 2008. 25 с. URL: <http://cheloveknauka.com/zhivopis-blokadnogo-lenigrada> (дата обращения: 19.09.2015).
5. Блокада глазами очевидцев: дневники и воспоминания / сост. С. Е. Глезеров. СПб.: ООО «ИТД ОСТРОВ», 2012. 224 с.
6. Гинзбург Л. Я. Проходящие характеры: проза военных лет. Записки блокадного человека. М.: Новое изд-во, 2011. 600 с.
7. Ильин Л. А. Прогоулки по Ленинграду. СПб.: ГМИ СПб, 2012. 176 с.
8. Инбер В. М. Почти три года. Ленинградский дневник. М.: РИПОЛ классик, 2015. 320 с.
9. Каган М. С. Град Петров в истории русской культуры. Изд-е 2-е, перераб. и доп. СПб.: Паритет, 2006. 480 с.
10. Каганов Г. З. Санкт-Петербург: образы пространства. Изд-е 2-е, перераб. и доп. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2004. 232 с.
11. Кайсаров Е. А. Пространственно-пластический образ Петербурга как воплощение диалога культур [Электронный ресурс] // Диалог культур и пространство цивилизации: становление глобальной культуры: X Международные Лихачёвские научные чтения (13-14 мая 2010 г.). СПб.: СПбГУП, 2010. Т. 1. Доклады. С. 324-326. URL: http://www.lihachev.ru/pic/site/files/lihcht/2010_Sbornik/Tom_1_2010/002_Sekcia_2/014_E.A.Kaisarov.pdf (дата обращения: 20.09.2015).
12. Сохрани мою печальную историю: блокадный дневник Лены Мухиной. СПб.: Азбука; Азбука-Аттикус, 2011. 386 с.

CHANGE OF SPACE AND PLASTIC APPEARANCE OF THE CITY IN CULTURE OF BLOCKADE LENINGRAD

Tsvetov Dmitrii Leonidovich

*Herzen State Pedagogical University of Russia in Saint-Petersburg
dimpressionlinepost@gmail.com*

As per contemporary approaches to the studying of cultural systems, the understanding of the interconnections, in accordance with which the culture of blockade Leningrad functioned, is impossible without the comprehension of how each of its morphological parts changed including a space and plastic part that deforms in the first place in wartime. Special attention is paid to the analysis of the subsystems of the space and plastic appearance of Leningrad at the beginning of its blockade in 1941-1942 in the context of methodology existing in the area of the research of urban culture.

Key words and phrases: city culture; culture of blockade Leningrad; space and plastic appearance of city; subsystems of space and plastic appearance of city; ensemble character; discreteness.

УДК 342.57

Юридические науки

В статье рассматриваются проблемы реализации права граждан на территориальное общественное самоуправление (ТОС) и перспективы его развития в России. Отмечено, что ТОС является формой добровольной самоорганизации граждан по месту их жительства для решения вопросов местного значения самостоятельно. Обосновывается вывод о том, что в современном российском обществе еще не накоплен достаточный опыт эффективного функционирования институтов территориального общественного самоуправления. На основании обозначенных проблем автором сформулированы предложения о совершенствовании института территориального общественного самоуправления.

Ключевые слова и фразы: территориальное общественное самоуправление; органы местного самоуправления; муниципальное образование; взаимодействие; полномочия; реализация права.

Чернова Эльвира Рамилевна, к.ю.н.

*Башкирский государственный университет (филиал) в г. Стерлитамаке
erchernova@mail.ru*

ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ ТЕРРИТОРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВЕННОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ В РОССИИ[©]

В последние годы тема формирования гражданского общества в России является одной из актуальных среди юристов, политологов, политиков. Основой такого общества являются самоорганизующиеся объединения людей, выражающих самые различные интересы во всех сферах жизни общества. Особая роль в этом принадлежит территориальному общественному самоуправлению (далее ТОС), являющемуся неотъемлемой частью гражданского общества и одной из форм реализации прав граждан на местное самоуправление. Создание ТОС в муниципальном образовании указывает на инициативность населения в политической сфере, на самостоятельность в решении некоторых вопросов местного значения.

Действующий Федеральный закон «Об общих принципах организации местного самоуправления» в ст. 27 закрепил право на ТОС, под которым понимают форму добровольной самоорганизации граждан по месту их жительства на определенной части муниципального образования для того, чтобы самостоятельно и под свою ответственность осуществлять собственные инициативы для решения вопросов местного значения [3].

Появление ТОС указывает на новый уровень разговора между местным сообществом и органами местного самоуправления, когда население предпочитает идти на добровольное сотрудничество с местными властями, на проявление доверия к органам местного самоуправления.

Вместе с тем следует отметить, что в современном российском обществе еще не накоплен достаточный опыт эффективного функционирования институтов ТОС, в связи с чем, существуют определенные проблемы в реализации права граждан на территориальное общественное самоуправление.

Одной из главных современных проблем территориального общественного самоуправления можно назвать вопрос неполной нормативной базы регулирования ТОС. На федеральном уровне определены только общие положения ТОС, в ст. 27 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления» закреплены понятие и полномочия ТОС. Вопросы же более детального регулирования деятельности ТОС законодательство РФ относит к ведению субъектов федерации и муниципальных образований [2, с. 120]. Однако при таком подходе существует опасность, что данные права не будут признаваться, и не будет гарантироваться право на ТОС со стороны субъектов РФ, а также может возникнуть неравенство граждан, проживающих в разных субъектах РФ, при использовании права на ТОС.